

МИХАИЛ ЧВАНОВ

ФРАНЦУЗСКИЕ ПИСЬМА

РАССКАЗ

“— Прощай, — сказал Лис. — Вот мой секрет, он очень прост: зорко лишь одно сердце. Самого главного глазами не увидишь... Ты не забывай, ты навсегда в ответе за всех, кого приручил...”

Антуан де Сент-Экзюпери.
“Маленький принц”

Восемь лет тому назад они шли тихой одноэтажной старинной улочкой, чтобы после редкого и короткого свидания расстаться на углу. Каждый торопился, и в то же время не торопился, в свой неуютный “домой”: она была, как говорила ему, в разводе; было ли это на самом деле так, он не знал. Его семейная жизнь, как и жизнь вообще, внешне была благополучной, кому-то даже казалась счастливой, кто-то, может быть, даже завидовал ему, но на самом деле ни то, ни другое не сложилось, и винить в этом, кроме себя самого, было некого, хотя чувствовал он подспудно, что во всех несуразных или даже неправедных поступках его вела какая-то упорная, может быть, даже внешняя сила, а другая, добрая сила по какой-то причине не могла противостоять ей. Да, человеку, в отличие от животного, живущего по инстинкту, как по раз и навсегда заданному шаблону, дана свобода воли, но разве виноват человек, в данном случае он, в том, что с детства по чужой

ЧВАНОВ Михаил Андреевич родился в 1944 году в деревне Старо-Михайловка Салаватского района Башкирии. Окончил филологический факультет Башкирского государственного университета. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Уфе. В последнее время Михаил Андреевич много полезного делает для возрождения Православия в Башкортостане.

воле был оторван от Бога?! Почему в борьбе за него первоначально победил не Бог, а та неведомая ему и недобрая сила, а Бог только в последний момент, когда уже было поздно, раскрыл ему глаза на прожитую жизнь, чтобы он мучился до последних дней своих, чувствуя великую и непоправимую вину? Он понимал в то же время, что никакой внешней силы не существует, что это хитрый самообман, попытка свалить свою вину на кого-нибудь другого. Он знал, что во всём виноват сам и только сам, и что, так самообманываясь, сваливая хотя бы часть своей вины на какую-то существующую или не существующую внешнюю силу, легче жить-доживать...

Итак, в томительно наступающих сумерках они шли тихой старинной улочкой... Можно сказать, что они были классическими любовниками: никаких взаимных обязательств, совместных жизненных планов, а следовательно, никаких взаимных упреков, обид, сцен ревности и всего подобного, что, за редким исключением, неизменно сопровождает семейную жизнь. Встретились на часок, если кому-то из двоих стало совсем уж тошно, одиноко в своём доме или вообще в жизни — и разбежались до следующей встречи. Иногда даже трудно понять, что связывает в таком союзе порой, казалось бы, несовместимых людей. И как в классическом любовном романе, он был старше её на двадцать с лишним лет.

Они остановились на углу, чтобы, даже не поцеловавшись (вдруг кто увидит?), разбежаться до следующего раза, он на всякий случай даже оглянулся вокруг. Но она, вопреки обыкновению, задержала его руку в своей мягкой и тёплой руке и вдруг, вместо привычного “до свидания”, неожиданно спросила:

— Ты можешь развестись с женой, и мы бы поженились?

Этот вопрос был для него не просто неожиданным. Он никогда не думал, что она относится к их тайному союзу сколько-нибудь всерьёз. По крайней мере, она всегда подчёркнуто делала вид, что не относится к нему серьёзно. Однажды даже, когда он упрекнул её, что она в прошлый раз не пришла на свидание, как-то равнодушно ответила, что не смогла, пришлось на работе задержаться, а он на это чуть ли не раздражённо бросил, что могла бы позвонить, ведь он её ждал. Она усмехнулась:

— Почему я должна перед тобой отчитываться? Во-первых, я тебе не мужняя жена. А во-вторых... ты что, думаешь, кроме тебя у меня никого нет?!

С женой он не рвал отношений по трём причинам: во-первых, не к кому было уходить, во-вторых, тогда надо было делить жильё или вообще оставаться без жилья, а в третьих, что и было главным: жена постоянно болела, потому у них не было детей, и была она размазней по жизни, в этом был виноват прежде всего он сам, оберегая её, насколько это было в его силах, от всевозможных жизненных невзгод, и потому он считал для себя невозможным бросить её, такую беспомощную.

Они познакомились в приёмной какого-то начальника, куда она заглянула, как потом выяснилось, к двоюродной сестре-секретарше, и, столкнувшись с ней в дверях глаза в глаза, он вдруг, неизвестно почему, подумал: “Вот с этой женщиной я, наверное, был бы счастлив”. Но самое поразительное, что тут же неожиданно для себя, совсем не будучи ловеласом, повторил вслух: “Вот с этой девушкой я, наверное, был бы счастлив”. Что-то вроде возмущения вместе со смущением огнём промелькнуло в её глазах. В это время из кабинета начальника вышла девушка-секретарь: “Проходите!”, и когда он вышел от начальника, её в приёмной уже не было, а спросить о ней у девушки-секретаря он, разумеется, не решился. Он не мог объяснить себе, чем она его поразила: нельзя было сказать, что она была очень красавица: по-восточному скуласта, но сквозь явно татарские черты пробивались мягкие славянские. И надо же было тому случиться, что всего через неделю они так же случайно — глаза в глаза — столкнулись на выставке знакомого художника. Она смутилась, он молча поклонился ей, уступив дорогу, а после выставки неожиданно узнал её в девушке, одиноко идущей впереди, по безлюдной, плохо освещённой одноэтажной улочке; она остановилась на красный фонарь светофора, он поравнялся с ней, они узнали друг друга.

— Теперь-то уж вы, наверное, убедились, что наша первая встреча была не случайной? — сказал он.

— Если вы специально не шли за мной? — усмехнулась она.

— Нет. Я живу здесь, недалеко, вон за тем углом. Вы тоже где-то здесь живёте?

— Нет, я живу в микрорайоне Зелёная Роща.

— Почему же вы здесь пошли? Улица тёмная и бесплодная.

— Здесь ближе до трамвайной остановки.

— Позвольте Вас проводить хотя бы до трамвайной остановки?

Она промолчала. Он расценил её молчание как согласие.

Так всё началось...

После этого они встречались уже несколько лет, но о степени их отношений можно было судить по тому, что он почти ничего не знал о ней, кроме того, что она преподавала музыку в детской музыкальной школе и якобы была разведена. О причинах развода она не распространялась, а он предпочёл не расспрашивать, тем более, что это его не очень-то интересовало, а может, она и вообще не была замужем, просто говорила, чтобы оправдать своё не замужество.

Его устраивала такая лёгкость их отношений, и вдруг этот неожиданный вопрос.

— Я не могу оставить больную жену, — помолчав, ответил он, хотя основной причиной, наверное, было то, что он не испытывал к ней сколько-нибудь серьёзного чувства, чтобы из-за неё оставлять жену.

— Проводи меня до следующего угла, — тихо попросила она.

Остальную дорогу они неловко молчали, на углу улиц, не доходя до трамвайной остановки, до которой он проводил её тогда, в первый раз, она резко к нему повернулась:

— Не переживай, насчёт замужества я пошутила... Я просто решила проверить тебя... Меня снова замуж трактором не затянешь.

Потом, глядя в сторону, сказала:

— Ты ведь ничего не знаешь обо мне. Впрочем, ничего и не хотел знать. В том числе и почему я ушла от мужа. Я сказала тебе, что разведена, ты и поверил.

Он молчал.

— На самом деле я ушла от мужа и в то же время до сих пор не разведена. Потому что ушла, в чём в тот вечер была одета, и больше туда не вернулась. Он был уверен, что я не уйду от него. Он считал, как можно уйти от таких денег! Да, он был богат. По тем временам он был очень богат, ты не можешь даже представить. Деньги у нас валялись буквально везде, даже на подоконниках. Он считал: разве может нищая учительница музыки уйти от таких денег. Я в чём была в тот вечер, так и ушла. Даже позже, даже те свои вещи, которые были у меня до замужества, не забрала. Мать потом мою старую дублёнку, которую они мне с отцом после окончания школы подарили, всё-таки вернула, потому что мне зимой не в чем было ходить... Почему я тебе всё это рассказываю? — усмехнулась она. — Тебе ведь всё это не интересно... За всё время, что мы знакомы, да, именно так: знакомы, — подчеркнула она, — я ни разу не попросила у тебя денег, как и вообще ничего не просила. Я была для тебя очень удобная любовница, теперь таких днём с огнём не сыщешь. А теперь вот набралась наглости, прошу: помоги мне небольшой суммой с оплатой курсов французского языка... Я решила уехать во Францию, а без знания языка там можно рассчитывать только на панель. А для панели я уже старовата, — снова усмехнулась она.

От неожиданности он несколько минут молчал.

Наконец спросил:

— А почему именно во Францию?

— Почему во Францию? Несколько лет назад уехала во Францию, в Лион, моя подруга с мужем, первое время я могу у них пожить. А потом: я всегда почему-то тянулась к французской культуре, хотя во мне только татарская и польская кровь. Здесь же на зарплату учительницы музыки мне не

прожить... Кроме того, что это унижительно, это просто невозможно. У меня старые родители, я вроде бы должна их содержать или хотя бы им помогать, а получается наоборот, сижу у них, пенсионеров, на шее...

Она, как и прежде, иногда появлялась у него на работе, только ещё реже. Теперь, как правило, когда было нужно в очередной раз платить за курсы французского языка. Но когда он однажды, как прежде, попытался её обнять, она с улыбкой, но решительно отвела его руки:

— Нет. Мне этого уже не нужно. И вообще я теперь стала совсем другой. Что-то со мной произошло. Например, к удивлению родителей-мусульман, совсем перестала есть мясо. Нет, я не ставила специально перед собой такой цели. Вдруг однажды почувствовала, что больше не могу есть мяса... А потом: может быть, я скоро выйду замуж...

Он промолчал.

— Тебе огромное спасибо за помощь! Завтра последнее занятие на моих курсах. — Она поцеловала его в щеку. — Может быть, больше не увидимся.

— Так что: ты выходишь замуж или уезжаешь во Францию?

— Сама не знаю... — засмеялась она.

— Может быть, ты возвращаешься к мужу?

— Он неоднократно просил вернуться. Время от времени матери звонит. Пытается меня поймать по телефону. Но я к нему никогда не вернусь. Есть вещи, которых не прощают никогда... Ещё раз спасибо тебе за деньги! И не только за деньги! Я за многое тебе благодарна. На самом деле.

— Можно тебя поцеловать? — попытался он её обнять.

— Только в щеку, — засмеялась она...

Больше она не появлялась, и он не знал, вышла ли она замуж здесь в России или уехала во Францию, впрочем, в её отъезд во Францию он почему-то по-прежнему не очень-то верил, ему казалось, что насчёт Франции она придумала для того, чтобы его испытать. Несколько раз он порывался ей позвонить, впрочем, один раз даже позвонил, но в музыкальной школе ответили, что она у них больше не работает, уехала или не уехала, не знают. А записную книжку с телефоном её родителей он потерял. Тем всё и закончилось. Иногда с грустью вспоминал её, после очередной ссоры с женой или в приступе холодного одиночества.

И вот через много лет после их последней встречи-расставания поздней осенью он услышал в телефонной трубке:

— Здравствуй!

— Здравствуй! — Он сразу узнал её низкий и мягкий, почти как шёпот, голос.

— Как твои дела?

— Ты где? — вместо ответа спросил он.

— Во Франции. В Лионе... Стою в телефонной будке, сумерки, холодный дождь с ветром, осыпаются последние листья... — Голос её был печален, он представил её в телефонной будке посреди ненастного холодного осеннего дождя в чужом городе, в чужой стране.

— Я очень рад твоему звонку, — сказал он. Он на самом деле был очень рад.

— У тебя всё хорошо? — спросила она.

— Относительно, — выдал он из себя. Ему не хотелось говорить, что недавно жене поставили страшный диагноз, и впереди была тяжёлая, скорее всего, безнадежная операция. — А у тебя? — ушёл он от дальнейших вопросов.

— Да всё нормально...

— Я рад за тебя...

— У тебя на самом деле всё хорошо? Ты не обманываешь меня?

— Нет, — с трудом выдал он.

— Тогда прости, что побеспокоила... Просто неделю назад ты приснился мне. И сон был какой-то нехороший. Мутный поток, река вышла из берегов, несёт обломки домов, деревья, а ты плывёшь среди всего этого, пы-

таешься выплыть, гребёшь из последних сил, но не можешь справиться с течением, тебя относит всё дальше, я кричу, но голоса своего не слышу, и никто меня не слышит. И тут проснулась. У тебя на самом деле всё благополучно?

— На самом деле...

Этот звонок, несмотря на свалившуюся на него беду, долго не выходил из головы. Он чувствовал себя виноватым перед ней. Раз она позвонила ему, значит, в России ей больше некому звонить.

Потом было много чего, отчего всё хотелось забыть. Тянувшаяся два года неизлечимая, — он знал, а жена не знала об этом, — болезнь, затем смерть жены. Её страдания были столь мучительны, что порой он испытывал страшное желание: скорее бы умерла, перестала бы мучиться. И наступившая после её смерти вместе с чувством великой вины перед ней пустота. В одну из бессонных ночей пустота так схватила за горло... Он вдруг понял, что жизнь закончилась. Мало того, вся прежняя жизнь представилась ему если не бессмысленной, то полной горьких и непоправимых ошибок, и если говорить о каких-то сколько-нибудь греющих душу итогах, то итог это был печален, он пришёл к горькому выводу, который до этого в какой-то мере удавалось скрывать от себя: никого после себя не оставил, и нет ему прощения ни перед женой, ни перед Всевышним и даже перед самим собой.

Несколько раз он чуть не женился. Для одних он был завидным женихом: выглядел моложе своих лет, квартира в центре города, машина, дача, не вилла олигарха, конечно, но тёплая рубленая изба в сосновом бору недалеко от города, какое-никакое положение в обществе. Другие тянулись к нему искренне, чувствуя его не растратенное душевное и даже телесное тепло.

Да, несколько раз он чуть не женился, но, скорее, не из-за душевной тяги к кому-то и даже не из чувства одиночества, а больше из-за панического страха: вдруг внезапно умрёт или погибнет? Кому всё это достанется: квартира, дача, в которую он вложил столько души и сил? Придут чужие люди, торопливо, чтобы поскорее занять пустующую квартиру, выбросят всё на свалку, будут копаться в его бумагах, фотографиях, письмах. И всё ещё теплилась в нём мечта о ребёнке.

А время неумолимо летело. И с каждым даже не годом, а месяцем и даже днём всё стремительнее и стремительнее.

И вдруг поздней осенью в телефонной трубке он снова услышал её низкий и мягкий, почти шёпот, голос:

— Здравствуй!

— Здравствуй! Я очень рад тебя слышать. — Он на самом деле был очень рад её слышать.

— Я тоже... Ты...

Перед ним на столе под стеклом лежал календарь, и он вдруг вспомнил, что сегодня у неё день рождения, хотя вроде бы давно забыл о нём.

— Я поздравляю тебе с днём рождения! — перебил он её.

— Ты помнишь мой день рождения? — удивилась она.

— Я всё помню.

— Как ты живёшь?

Он замялся. Он не знал, надо ли говорить ей обо всех своих бедах, что в один год похоронил жену, сестру, тоже умершую от рака, мать и двоих самых лучших друзей: одного в России, другого в Югославии.

— Я всё знаю, — не дожидаясь ответа, тихо сказала она. — Я в интернете прочитала обо всех твоих бедах.

— Всемирной виртуальной паутине интересна моя личность? — искренне удивился он.

— Не скромничай. Поинтересуйся, там много чего о тебе есть, в том числе и о твоей личной жизни. А потом: я приезжала на Новый год к родителям, подруга, зная, что мы с тобой немного знакомы, рассказывала. Я даже пыталась до тебя дозвониться по домашнему телефону, но не дозвонилась.

Он не сразу вспомнил, что делал в Новый год. Да, собирался поехать на дачу, но из-за надорванного коленного мениска провалился в одиночестве дома. Странно, что она не дозвонилась.

— Я очень рад твоему звонку, — повторил он. Он на самом деле неожиданно для себя был очень рад её звонку, словно все эти годы ждал его, хотя всего десять минут назад и думать не думал о ней.

— А я рада, что ты рад моему звонку...

Говорить в общем-то больше было не о чем, но и прерывать разговор ни на чём — тоже вроде бы неудобно...

— А тебе как-то можно позвонить? — спросил он.

— Конечно, — обрадовалась она. — Запиши мой мобильный телефон?.. А может, у тебя есть электронная почта?

— Есть, правда, я ею почти не пользуюсь.

— Это очень удобно. К тому же дешевле и надёжней. Но это не значит, что не нужно звонить. Ничто не заменит живого голоса. Запиши мой электронный адрес и сейчас же что-нибудь мне напиши, чтобы проверить связь.

Он долго сидел, глядя в окно на растущую во дворе ель: “Надо же, сколько в этом году шишек! До этого почему-то не замечал”. А потом включил компьютер и написал нарочито шутливо, видимо, боясь спугнуть нечаянную радость:

“Мадемуазель!

Я полагаю, Вы немало удивились, что я сразу узнал Вас по телефону...

И хотя расстались мы почти совсем чужими людьми, по крайней мере, с Вашей стороны, я часто с теплотой вспоминал о Вас. Даже порывался позвонить родителям, узнать, где и как Вы, но потерял телефонную книжку с Вашим домашним номером. Кстати, в Новый год Вы не смогли до меня дозвониться, может быть, по причине, что у нас все номера, начинающиеся с 2, стали начинаться с 7”.

Он собирался прочитать её ответ, по крайней мере, завтра, если, конечно, правильно отправил письмо, и немало удивился, когда минут через пятнадцать, собравшись выключить компьютер, обнаружил:

“Месяе!

Только что получила Ваше письмо. Рада, как школьница. Если у Вас есть желание, обязательно встретимся, возможно, скоро и неожиданно”.

Он ответил только через неделю:

“Мадемуазель!

Некоторое душевное смятение вызвала у меня Ваша весть, что “обязательно встретимся, возможно, скоро и неожиданно”. Может, всё-таки как-то определите сроки?

Буквально через час получил ответ:

“Месяе!

Я хотела лишь сказать, что моё желание огромно, и если это желание взаимно, то встреча обязательно состоится. А о сроках пока ничего не могу сказать. Возможно, скоро и неожиданно”.

Он сразу же ответил:

“М-ль!

Ваше последнее письмо привело меня в трепетный восторг. Таким изысканным и утончённым стилем могут изъясняться, наверное, только французские девушки. Что могу сказать? Только то, что моё желание не менее, если не более, огромно, чем Ваше. И мне остаётся только трепетно ждать Вашего, возможно, скорого и неожиданного появления”.

Он поймал себя на том, что не очень хорошо представляет, где находится Лион: где-то на юго-востоке Франции — и всё. Раскрыв атлас Западной

Европы, обнаружил, что Лион находится недалеко от швейцарской границы, всего в каких-то 150—200 километрах от Женевы. Причём тут Женева? При том, что в Женеве в штаб-квартире ООН у него работал друг детства, который неоднократно звал его в гости, а потом доставал для его умирающей жены редкие и, как оказалось, уже бесполезные лекарства. “Давай, если всё обойдётся, поедem в Швейцарию?” — когда ещё была какая-то надежда, предложил он жене. Она лишь печально улыбнулась в ответ, но, несколько окрепнув после операции, однажды сама напомнила ему о его предложении: “Если выберусь, что, конечно, маловероятно, и если ты не передумал, давай поедem в Швейцарию!” — “Давай!” — обрадовался он. — “А что, может, на самом деле, вдруг пронесёт?” И он твердо решил, что если она чудом или волей Божией выберется, то они обязательно хотя бы на неделю поедem в Швейцарию. Но чуда не произошло... Узнав о его беде, друг детства звал его в Швейцарию уже одного, как он говорил, развеяться. И он уже вроде собрался поехать туда в отпуск, как вдруг этот неожиданный звонок из Лиона, который, как оказалось, находится почти рядом с Женевой.

“М-ль!

Мой друг, который работает в Женеве в штаб-квартире ООН, настойчиво приглашает меня в гости. Вчера посмотрел карту, до Лиона от Женевы рукой подать, гораздо ближе, чем от Парижа. Но в связи с Вашим возможным и неожиданным скорым приездом решил отложить поездку в Женеву на неопределённое время.

Боясь разъехаться с Вами, сообщаю, что с 19-го по 31 октября я, скорее всего, буду в Москве”.

“Месяе!

Обстоятельства, в том числе материальные, складываются так, что я смогу приехать только через полгода, скорее всего в марте. Если Вы соберётесь в Женеву, то, может, доедете и до Лиона?”

“М-ль!

Я очень расстроился, услышав от Вас, что Вы можете появиться в России только в марте. Я действительно было уже собрался в Женеву, но меня сбило с толку Ваше заявление: “скоро и неожиданно”. Я решил, что до встречи нас отделяют недели и даже дни, потому сообщил, чтобы случайно не разъехаться, о своей короткой поездке в Москву, из которой, кстати, раньше времени возвратился, боясь, что мы всё-таки можем разминуться. Из-за “скоро и неожиданно” я решил отложить Швейцарию на неопределённое будущее.

Раз наша встреча отодвигается, по крайней мере, на полгода, если не сказать — навсегда, то пришлите по электронной или обычной почтой свою фотографию: какая Вы там, во Франции? Не говоря уже о том, что я не видел Вас уже целую вечность. Я буду спать в обнимку с этой фотографией, по крайней мере, до нашей встречи...”

“Месяе!

Не надо печалиться, тем более отчаиваться, ведь я скоро приеду. Я постараюсь как можно скорее разделаться со своими неотложными делами...”

Компьютер чуть ли не полчаса принимал фотографию, на ней она была в каком-то городском сквере на берегу какой-то убранной в гранит реки или канала и почему-то в тёмных очках, за которыми прятала свою столь знакомую ему смущённую улыбку. Конечно же, она изменилась за годы, которые он её не видел: пополнела, волосы уже не вились русыми, выдающимися в ней славянскую кровь, локонами по плечам, короткая стрижка или возраст сделали преобладающими восточные черты.

“Спасибо за фотографию, несмотря на то, что на ней не оказалось главного: Ваших глаз...”

На другой день пришла фотография, на которой она была уже без тёмных очков: в какой-то пустой комнате, в кресле по соседству с большим экзотическим цветком в напольной вазе. Явно позировала и, хотя старалась быть непринуждённой, в некотором напряжении и с всё той же столь знакомой и, как ему теперь казалось, так дорогой ему, смущённой и несколько ироничной улыбкой.

Так прошло ещё два месяца. Он уже почти приучил себя к мысли, что ничего у них не получится. И перестал писать ей. Она тоже молчала.

Однажды в субботу, отъезжая в конце дня от редакции, боковым зрением увидел, точнее, ему показалось, что перекрёсток перед ним только что перешла она. Но загорелся зелёный глаз светофора, сзади уже сигналили, и оглянуться он не мог. Они давно не переписывались, не перезванивались. Если это была она, то вечером или даже сейчас позвонит. Она знает все его телефоны, включая мобильный. Вечером он на каждый звонок торопливо хватал телефонную трубку. Но она не позвонила. Не позвонила и в понедельник на работу. И он успокоился: значит, это была не она.

Но оказалось, что в тот день он не ошибся. Это действительно была она, и они разминулись на какую-то минуту.

Она позвонила только в следующий понедельник.

— Здравствуй, — услышал он в телефонной трубке её голос, похожий на шёпот.

— Здравствуй! — обрадовался он. — Ты уже начинаешь мерещиться мне в других женщинах. На прошлой неделе мне показалось, что дорогу передо мной перешла ты, а потом весь вечер и весь следующий день ждал твоего звонка... Слышимость, будто ты звонишь не из Франции, а с соседней улицы.

— Так и есть, — засмеялась она.

— Как? — не понял он.

— Я звоню из Зелёной Рощи, — снова засмеялась она.

— Ты приходила в прошлую субботу в редакцию? — почти закричал он.

— Да.

— Мы разминулись на какую-то минуту. Ты переходила улицу около аптеки, а я не поверил своим глазам, проехал мимо... И не объявлялась целую неделю?!

— Я забыла в Лионе записную книжку с телефонами. А вахтёр в редакции не дал твоего ни домашнего, ни мобильного телефона: говорит, что ты приказал никому не давать, многие тут ходят. От поклонниц отбоя нет?

— Ты что, не могла ему сказать, что приехала издалека, из Франции? — не принял он её шутливого тона. — Целую неделю!.. Если не могла позвонить мне домой, ты же могла позвонить в редакцию в понедельник? Телефон могла найти в любом телефонном справочнике, наконец, по 09.

— Прости!.. Так получилось... Пока по родственникам, по подругам...

— А я-то думал... — он замялся.

— Что?

— Что ты едешь ко мне, — вырвалось у него.

Она несколько помолчала.

— Я приехала и к тебе...

— Где ты сейчас?

— У родителей.

— Я сейчас подъеду...

— Хорошо. Встань, как прежде, за углом, чтобы не было видно с балкона, чтобы мне не пришлось им ничего объяснять... — Чувствуя его недоумение, добавила: — Я сказала, что весь день буду дома, а тут вдруг сорвалась...

Он ждал её со стороны подъезда, а она появилась с другой стороны, неожиданно для него села в машину, вся покрасневшая от смущения, без всяких обиняков обняла его и крепко поцеловала в губы. Потом — ещё и ещё...

— Поехали, — вконец смутившись от своей смелости, сказала она, — а то сейчас появится кто-нибудь из соседей.

Он завёл мотор.

— Поехали ко мне?

— Мне бы сначала где-нибудь посмотреть электронную почту, — попросила она.

— Так поедem ко мне в редакцию, там и посмотрим.

Если предыдущая неделя на работе была относительно спокойной, то эта началась с крутежа, с бесконечных телефонных звонков и визитёров, потом назначили летучку, он никак не мог вырваться из редакции и уже пожалел, что предложил заехать сюда.

— Давай так, — предложил он, — мой водитель тебя отвезёт, куда тебе нужно, а к вечеру я тебя заберу.

Он забрал её на их углу...

Наверное, ни с кем ему не было так хорошо. Она смеялась и плакала, осыпая его поцелуями. Такой страстной и нежной она не была даже в те уже давние дни. Он так и не решился спросить её по телефону, могла бы она пойти за него замуж и способна ли ещё рожать, а сейчас она вдруг сама прошептала:

— Как я хотела бы от тебя ребёнка! Чтобы он был похож на тебя...

— А ты способна ещё рожать? — спросил он.

— Надеюсь, что да... Я смотрела всевозможные календари, они утверждают, что нынешний год — самый благоприятный для зачатия за последние шестьсот лет. Я хотела бы, чтобы был сын и чтобы он был похож на тебя... Я давно уже поняла, что главное в жизни — это семья и любовь. Если нет этого, всё остальное со временем теряет смысл.

Ему хотелось закричать, что он давно понял эту простую и горькую для него истину, но только крепче обнял её, спрятав лицо в её волосах.

Потом она лежала у него на плече, разглаживая морщины на его лице.

Вдруг она спохватилась:

— А сколько сейчас времени?! Ой, мне нужно бежать, мать беспокоится.

— Разве ты не останешься?

— Я её не предупредила. Я ведь для неё по-прежнему мамина доча, которая обязательно должна ночевать дома. А потом... — она чего-то не договорила. — А завтра я приеду к тебе снова.

— Что — потом? — попытался выяснить он.

— Да так... Потом... Ты проводишь меня до автобуса?

* * *

На другой день после работы он встретил её, как договорились, на автобусной остановке.

На углу около магазина, куда они зашли купить что-нибудь из продуктов, у бабки, продающей разную огородную снедь, она, кроме зелени, купила целый кулек семян укропу.

— Во Франции его почему-то не сажают, — пояснила она, — а я его очень люблю. Укроп вообще очень полезная вещь.

Потом она удивила его тем, что уже дома, раздеваясь в прихожке, увидев подкову на косяке над дверью, спросила:

— Ты не можешь мне найти такую же?

— На даче у меня должна быть, — ответил он, и снова хотел спросить, зачем ей подкова, если у неё нет собственного дома и если она приехала к нему, но почему-то не спросил.

Через несколько дней она напомнила о подкове.

На этот раз он не выдержал, спросил:

— А зачем она тебе? Подкову вешают на счастье, чтобы охранять дом. Тебе этой мало? — показал он на подкову над дверью. — Или у тебя во Франции есть другой дом, где ты собираешься сеять укроп? Или ты приехала не ко мне?

— Я приехала навестить мать... И... к тебе... Но я ведь до сих пор не

знаю, нужна ли тебе. Ты писал мне шуточные письма, я шуточно тебе отвечала.

— Почему же ты решительно отказываешься у меня ночевать? Ты что-то от меня скрываешь?

— Я думала, ты уже догадался.

— Ты замужем?

— Да.

— Почему же ты мне по телефону говорила, что живёшь у знакомых?

— Я тебе говорила правду в то время, когда ты спрашивал. Но это было давно. Мне было тогда очень плохо, и мне, кроме тебя, было некому звонить. И ты даже не догадался, что в Лионе была ещё ночь. А больше ты никогда не спрашивал. А я тебе не говорила, потому что боялась — ты сразу от меня отвернёшься и не захочешь со мной встретиться. А я очень хотела тебя увидеть. А потом, когда наша переписка зашла очень далеко, я уже не знала, что делать. Я чувствовала, что ты ждёшь от меня какого-то ответа. Мне хотелось закричать: если я тебе нужна, я брошу всё и приеду к тебе. Но незадолго до того я уже вышла замуж. Помимо всего прочего, теперь выходит, будто я вышла замуж только для того, чтобы получить французское гражданство.

Он долго молчал. Наконец сказал:

— Если ты действительно приехала ко мне, то твоё французское замужество для меня не имеет никакого значения.

— Правда?

— Правда.

Она, плача, обняла его:

— Когда я узнала, что ты остался один, во мне что-то перевернулось. Забылись все прежние обиды. Я сразу хотела тебе написать, что если я тебе как-то могу помочь, то брошу всё и приеду. Но я уже была замужем. Я вышла замуж всего за месяц до того, как узнала о смерти твоей жены. А потом: я не знала, как ты к этому отнесёшься. Потому, собравшись к тебе, я купила обратный билет. Мой муж всё знает о тебе. Не знаю, зачем я это сделала, но когда умерла твоя жена, я сказала ему: “У человека, которого я любила, из-за которого уехала во Францию, чтобы забыть его, умерла жена”. — “Он сообщил тебе об этом?” — “Нет, я прочла об этом в интернете”. Больше мы с ним на эту тему не говорили, но что-то изменилось в наших отношениях. “Ты едешь к нему?” — спросил он, когда я перед прошлым Новым годом собралась в Россию. — “Нет, навестить родителей. Ты же знаешь, что они у меня совсем старые”. — “Его ты увидишь?” — “Не знаю”. — “А если он тебя позовёт?” — “Я не думаю, что он меня позовёт. Он довольно известный человек, и у него, наверное, куча невест, в том числе моложе меня. А скорее всего он уже женился”. Тогда он мне заявил, — как он сказал, на всякий случай, — что никогда не даст мне развода... Тогда, в Новогоднюю ночь, я не решилась тебе позвонить: скорее всего, ты не один, может, даже с кем-то сейчас решаешь свою судьбу. В Новогоднюю ночь многие начинают новую жизнь. И потом долго не решалась позвонить. Позвонила чуть ли не в последний день перед отъездом, но телефон молчал.

— Я тебя зову, оставайся.

— Чтобы, как ты говоришь, искупить свою вину передо мной? Но ты передо мной ни в чём не виноват, я, наоборот, виновата перед тобой, что пыталась увести тебя у законной жены. И сполна расплатилась за это. А вторых, я не хочу, чтобы ты звал меня только ради искупления вины.

— Ты знаешь, что не только это.

— Но муж никогда не даст мне развода.

— Для меня это не имеет никакого значения. Наши сегодняшние неопределённые отношения не могут продолжаться бесконечно. Они, как я понимаю, мучительны не только для меня, но и для тебя. Что касается меня: ни с кем мне не было так хорошо и покойно. Только тебя я вижу матерью своего ребёнка. Из-за тебя я, не задумываясь, оттолкнул других женщин, может быть, более молодых и красивых, в том числе весьма обеспеченных, что в наше время считается чуть ли не самым главным... Каждую из них неволь-

но с кем-то сравнивал, прежде всего, конечно, со своей покойной женой. Тебя ни с кем не сравнивал: ты — вся моя. Я шёл к тебе всю жизнь, к нашему общему дому, к общему ребёнку. Мне всё дорого в тебе, в том числе нос картошкой. Я снова и снова слышу твои слова: “Я хотела бы родить сына, похожего на тебя”. Когда я на другой день спросил по телефону, насколько искренне ты это сказала, может, просто сгоряча, ты ответила: “Такие вещи женщины так просто не говорят”. Ты мне говорила, что ты не хочешь иметь от своего мужа ребёнка. Что он хороший человек, но очень скучный, типичный француз, считающий каждую копейку. Что твой уход будет расценен, будто ты выходила замуж только для получения французского гражданства. Да, если бы ты оставалась во Франции и претендовала на раздел имущества. Но ты ведь уезжаешь из Франции, и получается, что французское гражданство тебе больше не нужно... В конце концов, ты тоже имеешь право на материнское счастье.

День её отлёта приближался неумолимо.

Однажды она пришла молчаливая.

— Что-нибудь случилось?

— Я сегодня звонила домой... В Лион, — поправились она. — Я всё рассказала мужу. Он подтвердил, что никогда не даст развода.

— Я тебе уже сказал, что для меня это не имеет никакого значения. Что ты ему ответила?

— Я сказала, что сдала обратный билет.

— Это правда?

— Правда.

Он обнял её.

На другой день она позвонила днём:

— Ты не сможешь оторваться от своих дел на полчаса, подъехать к Пушкинскому скверу?

— Когда?

— Прямо сейчас.

— Хорошо...

Он не сразу её увидел стоящей под липой с какой-то явно тяжёлой ношей на руках. Подойдя поближе, он увидел, что это был огромный рыжий кот.

— Прости, что сорвала с работы. Заблудился, собаки вывалили его в грязь, загнали на дерево...

— А может, он полудикий или вполне самостоятельный кот? Ты не можешь допустить, что он пришёл на свидание, дрался с другими котами, а ты вмешалась в его личную жизнь? — улыбнулся он.

— Нет. Я уже с час за ним наблюдаю. Он перепуган до смерти. И бант на шее, значит, у него есть хозяин.

— И что теперь?

— Давай заберём его на время, пока не найдётся хозяин? Я бы не стала тебя тревожить, но он такой тяжёлый, я его не донесу. А потом: без твоего разрешения...

— Ты такая же хозяйка в доме, вправе сама решать, — поцеловал он её в щеку.

Вечером она его встретила на пороге с котом на руках. Было видно, что кота вымыли, и от этого он казался ещё больше.

— Я распечатала на компьютере и развесила десять объявлений. Боялась, что в моё отсутствие он что-нибудь натворит, перевернёт, будет рваться на улицу. Нет, возвращаюсь: лежит на подоконнике, смотрит в окно, мурлычит. Давай, если хозяин не найдётся, оставим его у себя.

— Давай, — даже обрадовался он, хотя далеко не был любителем кошек.

Но хозяева кота объявились, позвонили уже следующим вечером. За котом пришла худосочная бледная девушка: “Мы его уже целую неделю ищем, как он мог оказаться так далеко от дома?” Пыталась в благодарность дать деньги.

Вроде радоваться бы надо, что у кота нашёлся хозяин, но он видел, что у неё упало настроение.

- Ты что, из-за кота?
  - Я уже привыкла к нему, думала, у нас с тобой появилась общая жизнь.
  - Вот проблемы. Давай возьмём котенка.
  - Это совсем другое. А тут как бы Бог нам послал.
- Он так и не смог в тот вечер развеселить её.

Дни шли за днями. Ничто не омрачало их отношений, они понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда. Никогда ни с кем ему не было так легко и просто. С зачатием ребёнка они решили чуть повременить, чтобы он появился на свет не в летнюю жару, а зимой. Весну встретил уже окрепшим. Она перезнакомилась с соседями. Долго не решалась сообщить о своём решении матери. Мать встретила эту весть сначала хоть и ошарашенно, но, придя в себя и убедившись, что это серьёзно, что назад пути уже нет, даже обрадовалась — теперь дочь будет рядом, а не в далёкой и непонятной Франции. А ещё через день она пришла с вестью, что была в своей музыкальной школе и что там с радостью возьмут её обратно, если его не смущает тамошняя мизерная зарплата.

А ещё через день она встретила его после работы праздничным ужином. Кроме всего прочего, праздничность подчёркивала стоявшая посреди красочно убранного стола бутылка “Бордо” 1998 года, привезённая ею из Франции и объявленная неприкосновенным запасом для особо торжественного случая.

Поцеловав её, он вопросительно посмотрел на праздничный стол.

Она смущённо и загадочно улыбалась.

— Ты сегодня какая-то загадочная. У нас сегодня какой-то большой праздник?

— Да!

Она растегнула верхнюю пуговицу кофточки: на шее у неё был православный крестик.

— Меня теперь звать Серафима.

Он растерянно смотрел на неё и не сразу нашёлся, что сказать.

— Я когда-нибудь упрекнул, что ты татарка? Или ты где-то вычитала, что муж и жена должны быть одной веры? Я не хочу, чтобы ты что-то делала против своей воли.

— Нет, никогда и никаким образом ты не упрекнул меня. Это я сделала исключительно по своей воле. Это моё давнишнее желание. Я ещё в детстве, живя рядом с церковью, часто заходила в неё, подолгу стояла на службе. Меня почему-то всегда тянуло в неё, хотя мои родители мусульмане. Я даже в Лионе пыталась покреститься. Нашла православный храм, но в тот день он почему-то был закрыт. А после того, как позвонила тебе, решила, что сделаю это в России.

— А почему именно Серафима?

— Мне с детства нравилось это имя.

— Мать знает, что ты крестилась?

— Пока нет. Конечно, рано или поздно скажу ей об этом. По крайней мере, не сразу... Конечно, скажу... — Знаешь, — замялась она, — я перед тобой виновата.

— В чём?

— Не спросив тебя, от твоего имени передала привет отцу Петру, который крестил меня. Я знала, что вы хорошо знакомы, и потому обратилась к нему.

— Ну, какая же это вина?! А почему ты мне ничего не сказала, когда собралась креститься?

— Я не знала, как ты к этому отнесёшься. Точнее, боялась, что будешь задавать вопросы. Ну и хотела, чтобы это было для тебя сюрпризом... А вина моя в том, что передав привет, сказала, что я из Франции. Он, видимо, решил, что я снова уезжаю во Францию, тороплился и назначил крещение вне очереди на ближайший четверг.

На следующий день он позвонил отцу Петру, чтобы поблагодарить.

— Если бы вы видели глаза вашей подруги, как они сияли! Какая ра-

дось была в них! Она плакала от счастья. Получилось, что в этот день по оплошности в купели была ледяная вода, не подогрели, потому как по графику не должны были крестить, я ей сказал, что, может, перенесём на другой день. Она говорит: “Нет, батюшка, если можно, то сегодня, пусть это будет для меня первым испытанием”.

Однажды, придя вечером домой, он застал её заплаканной.

— Что случилось?

Она молчала. В её опущенных плечах и глазах он вдруг увидел почти то же, что увидел в глазах покойной жены, когда та пришла из поликлиники со страшным диагнозом.

— Что случилось?

Она заплакала навзрыд.

— Что случилось? — у него внутри что-то оборвалось.

— Мне позвонили из Лиона, что муж попал в автомобильную катастрофу... Со двора неожиданно выехал мальчишка на велосипеде, и чтобы спасти его, он направил машину в столб...

— Насколько это серьёзно?

— Мне сказали, что он навсегда останется инвалидом. Что, скорее всего, до конца дней своих он сможет передвигаться только в коляске.

— А вдруг это повод вызвать тебя?

— Нет. Я позвонила подруге, у которой в Лионе жила. Она была в госпитале, говорила с врачами.

Они молча поужинали...

Всю ночь она проплакала у него на плече.

— Я знаю, что мы жили бы очень душевно, — сквозь слёзы шептала она.

— Ты говоришь так, словно уже прощаешься со мной.

Она ещё крепче обняла его и ещё горше зарыдала...

— Ты дашь мне денег на билет до Лиона? — перед утром спросила она.

— Ты решила... — на языке вертелось “вернуться”, но он спросил — лететь?

— Я должна лететь. Я всё должна увидеть своими глазами. Меня точит мысль: вдруг он попал в эту страшную аварию из-за меня. Он глубоко переживал, что я ушла от него. Вдруг мой поступок стал причиной его катастрофы?

— Я провожу тебя в аэропорт.

— Нет. Меня проводит брат.

Она улетала от него в город, в который он в юности мечтал попасть. Она улетала в город, аэропорт которого носит имя Антуана де Сент-Экзюпери, грустного лётчика, сбитого над лучезарным Средиземным морем всего за три недели до освобождения горячо им любимой Франции, но успевшего до этого написать печальную сказку “Маленький принц”, одна лишь безыскусная строчка из которой оставила свой вечный след в памяти людей: “Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил”.

Через неделю по электронной почте он получил письмо:

“Состояние мужа несколько стабилизировалось, но врачи говорят, что он на всю жизнь останется колясочником. Прости меня за всё! Я столько причинил тебе страданий. Но что-то мы нарушили из Божьих заповедей, за что нас Бог обоих наказал. Прости меня и прощай! Ты же понимаешь, что я не могу оставить его в таком положении. Помимо того, что я ещё не разведённая мужняя жена, а теперь ещё и христианка. Ты ведь тогда не ушёл ко мне от больной жены. Значит, Бог не судил быть нам вместе. Прости меня, если можешь! И пойми: я ведь теперь раба Божия Серафима. Прощай!..”

Он не ответил. Впрочем, это письмо и не предполагало ответа...

Ещё два месяца назад, когда счастье мягким, как бы неуверенным и в то же время ликующим рассветным солнцем запылало над ним, он неожиданно получил приглашение на книжную выставку-ярмарку в Женеву.

На международной книжной выставке они, провинциальные русские писатели, никому не были нужны: Швейцария, то ли по особой мудрости народа, то ли по высшему Божьему промыслу сумевшая хоть на какое-то время отгородиться от остального сошедшего с ума мира, прожив таким образом, по крайней мере, сотню лет без войн, была равнодушна к их литературным опусам.

Потому, побыв для галочки один день на выставке и встретившись с равнодушными глазами швейцарцев, он со своим другом Юрием, который по случаю его приезда взял краткосрочный отпуск, разъезжал по благополучной ухоженной стране. Горной тропой, неизвестно почему называемой именем вьетнамского коммунистического лидера Хошимина, они перебрались во Францию, потому как Швейцария в то время ещё не вошла в шенгенское визовое соглашение, а у него была только швейцарская виза. Очень уж хотел его друг показать ему старинный французский городок Сен-Жульен по ту сторону Женевского озера, сохранивший облик аж XIV века, кстати, недалеко от которого Юрий на всякий случай, по причине непредсказуемости дальнейших политических событий в России, купил квартиру. Городок на самом деле был очарователен: тихий, спокойный, время словно остановилось в нём, улочки сохранили названия четырёхсотлетней давности.

Они сидели в маленьком уличном кафе прямо на мосту над одним из каналов, как, очевидно, сидели в нём французские обыватели полтыщи лет назад.

Подшли ухоженные, нарядные, молодящиеся и приветливые старушки, предложили бесплатные билеты в какой-то студенческий театр: сцены из жизни четырнадцатого века. Юрий вежливо отказался, сославшись на нехватку времени, что в городке они лишь проездом.

— Месье из России, — представил его друг. — Ему очень понравился ваш город.

Старушки вежливо кивали, внимательно рассматривали его, как бы рассматривали первобытного человека, чувствовалось, что современные российские туристы из новых русских ещё не добрались до здешних мест.

— Далеко здесь до Лиона? — спросил он, когда старушки отошли.

— Да нет, километров 150—170, не больше. Ты хотел бы посмотреть Лион?

— Когда-то мечтал. Родина Сент-Экзюпери, в юности одного из самых любимых моих писателей. Так получилось, что я родился в день его гибели...

— "...ты всегда в ответе за всех, кого приручил", — задумчиво процитировал его друг знакомую строчку из "Маленького принца". — Давай съездим. Я, кстати, живу здесь почти двадцать лет, а в Лионе не был, так что мне самому интересно там побывать. Например, послезавтра. Если бы ты сказал раньше, хотя бы вчера, сегодня могли бы съездить, выехали бы пораньше.

— Да нет, я и так тебя замучил. Да и на выставке хотя бы ещё разок надо появиться.

Вечером он несколько раз набирал номер её мобильного, но перед последней цифрой клал трубку, потому что знал: звонить не нужно. В очередной раз машинально набрал номер полностью, и сразу услышал её голос, она что-то сказала по-французски.

Он торопливо положил трубку. В задумчивости долго смотрел в окно на привокзальную суету.

И тут громко зазвонил телефон.

— Да, — сказал он.

— Ты где? — после некоторого молчания спросила она.

— В Женеве... — после некоторого замешательства ответил он.

— Я думала, что сразу позвонишь. Я знаю, что книжная выставка открылась уже четыре дня назад.

Он не знал, что сказать.

— Сколько ещё дней ты будешь в Женеве?

— Ещё четыре дня.

— Я приеду к тебе, — неожиданно сказала она. — Послезавтра... Нет, завтра. Ты где остановился?

— В гостинице “Бернина”. Прямо против вокзала.
— Я приеду завтра утренним поездом. А вечерним вернусь.
— Может, тогда с ночлегом? — вырвалось у него.
— Это невозможно. Тогда мне придется придумывать какую-нибудь легенду. А какие у меня могут быть дела в Женеве?

Так как он жил в гостинице не один, то спустился вниз, попытался заказать отдельный номер, но их не было. Тогда он позвонил Юрию.

— Ах, вот почему ты собирался в Лион, — засмеялся тот. — Насчёт ночлега решим так: дочь улетела в командировку в Шанхай, я тебе даю ключи от её квартиры.

Утром в названное ею время она не появилась на выходе с перрона... Прошло полчаса, он заволновался. Выяснить в справочной? Но он не знал языка: ни французского, ни английского... Наконец, по бегущему табло понял, что поезд опаздывает.

В хлынувшем из таможенного коридора людском потоке он не сразу увидел её. Она появилась неожиданно откуда-то сбоку. Они стояли посреди этого потока, мешая ему. Бросив сумку на бетонный пол, она осыпала его поцелуями.

— Что ты сказала мужу?

— Придумала мифическую подругу, недавно переехавшую из России. Но мне кажется, что он не поверил. Я сказала, что, возможно, приеду только завтра.

Вечером он позвонил другу:

— Она приехала с ночлегом. Может, завтра мы доведём её до Лиона? Ты же хотел посмотреть Лион...

— Хорошо, — легко согласился друг.

Воспоминания об их совместной жизни в Женеве в его памяти почему-то остались смутными, сумбурными. Он только помнил, что где бы они ни были: на набережной, в парке, на той же книжной выставке, она, словно ребёнок, не отпускала его руки.

Они говорили о чем угодно, только не о них самих.

Один только раз он не выдержал, спросил:

— Что с ним?

— Ему не стало лучше. Это — навсегда... Мы сможем завтра перед поездкой в Лион заехать в церковь?

— Думаю, что да...

Был понедельник, в объявлении на двери церкви они вычитали, что службы по понедельникам не бывает, и потому она была закрыта. Обойдя несколько раз вокруг храма, они уже собрались отъезжать, как появилась пожилая женщина:

— А я выглянула в окно, смотрю, люди стоят. Минут через десять снова выглянула, они по-прежнему стоят...

Она долго и усердно молилась перед иконой Божией Матери.

Он почему-то представлял Лион небольшим европейским городом, хотя знал, что тот является во Франции чуть ли не вторым по величине после Парижа, к тому же крупным промышленным центром. А Лион оказался огромным современным мегаполисом, правда, не уничтожившим старины. Город ему показался чопорным, даже надменным, по крайней мере, он почувствовал себя в нём неуютно, хотя, скорее, по личной причине. Ему казалось странным, что в таком огромном и скученном городе мог родиться Сент-Экзюпери. Главная достопримечательность Лиона — величественный католический собор, кажется, Сен-Жан, построенный в XII—XIV веках на горе, возвышающейся над городом.

Потрясали его размеры, архитектура, тончайшая резьба по камню, витражи, исполненные великими мастерами, но от всего этого, ему казалось, веяло холодом, словно во всём этом не было души, словно она ушла куда-то, и он не смог в нём долго находиться. Собор подавлял его своим холодным каменным величием, и он поскорее вышел наружу, оставив её с другом вну-

три. Посмотрел на раскинувшийся внизу, до самого горизонта, гигантский мегаполис. Он знал, что Лион останется в его памяти огромным морем красных крыш. И почему-то именно здесь, над шумящим далеко внизу городом, жуткое чувство одиночества снова схватило его за горло.

То ли она почувствовала это, то ли просто к тому времени они с Юрием налюбовались убранством собора, она неожиданно подошла сзади и крепко взяла его за руку:

— Что с тобой?

— Давай я тебя сфотографирую на фоне Лиона!

— Нет, не хочу! — неожиданно резко ответил он.

— Ты не хочешь, чтобы тебе что-то напоминало о Лионе?

— Может быть...

— Что ты еще, кроме памятника Экзюпери, хотел бы увидеть в Лионе?

— Ничего.

— В здешней картинной галерее полотна Дюрера, Ван-Дейка, Рубенса...

— Нет, не хочу, — не дал он ей договорить.

Она прикусила губу, чтобы не заплакать, но в это время из собора вышел Юрий, который ничего не заметил или сделал вид, что ничего не заметил, и они поехали к памятнику Антуану де Сент-Экзюпери. Лучше бы не ездить! Памятник был какой-то невзрачный, даже нелепый: высокий столб, на котором сидит, как бы помахивая, словно ребёнок, ножками, маленький согнувшийся человечек, не поймёшь, то ли в лётном шлеме, то ли в детской шапочке с помпонами.

Тайком от Юрия она ещё крепче сжала его руку.

— Я в своё время с удивлением узнала, — чтобы нарушить неловкое молчание, — сказала она, — что лионцы, по крайней мере, буржуа, высший свет до самого последнего времени не любили Экзюпери...

— Почему? — почти одновременно спросили они с Юрием.

— Они не любили и де Голля. Им неплохо жилось при немцах. Верхушка города были в основном вишисты, немцы их не очень-то обижали, а он своим поступком, даже уже будучи не годным по причине своих многочисленных ранений к лётной службе, вступил в Сопротивление, а своими книгами разрушил их благополучную жизнь...

На каком-то углу ближе к окраине города, на пересечении с трамвайной линией она неожиданно сказала:

— Вот и всё... приехали... Вон мой трамвай меня дожидается.

— Но, может, всё-таки доведём до дома? — стал настаивать не всё знающий Юрий.

— Нет, — она решительно отклонила его предложение. — Там такое запутанное переплетение улиц. Потом вам трудно будет выбираться из города на основную магистраль.

Она трижды по-русски и крепко поцеловала Юрия, торопливо, чуть коснувшись губами, ткнулась ему в щеку и побежала к трамваю.

Всю обратную дорогу он с горечью недоумевал, почему при прощании она по родственному, по-христиански тройным поцелуем расцеловала его друга Юрия, с которым и познакомилась-то только сегодня утром, но совсем никак не поцеловала его?

Французско-швейцарскую границу они пересекали какой-то другой дорогой, переехав висячий мост над пропастью, где далеко внизу, наверное, метрах в ста шестидесяти, бежала невидимая отсюда небольшая речка, практически ручей, но за века прорывшая глубочайший каньон, заставляющий думать о краткотечности нашего бытия и в то же время о вечности.

На другой день на Женеву неожиданно обрушился снег с дождём или, наоборот, дождь со снегом. Его выступление на книжной выставке вызвало раздражение не только врагов, но и своих, жена руководителя делегации зло, почти со слезами бросила ему в лицо: "После вашего выступления нас вообще никуда не пригласят, не пустят". Он был притивен сам себе: в чём-то она была права, зачем было попусту дразнить гусей...

До самолёта оставались ещё сутки. Их как-то надо было убить. Взяв

зонт, он вышел на улицу. Поймал себя на том, что идёт по тому маршруту, по которому шли с ней, и она, словно ребёнок, не отпускала его руки. Он вышел на набережную Женевского озера, и не верилось, что только позавчера прогретая солнцем набережная была полна отдыхающих, что они были вместе, и она то и дело кого-нибудь просила их сфотографировать: на фоне знаменитого фонтана, на фоне часовни и просто без всякого фона.

В каком-то переулке показалось, что на стене на щите было что-то написано на русском языке. Он достал очки: “Меню: пци — 12 франков, пельмени — 21 франк”. Он поднял голову выше: “Русский ресторан”. Но назывался он почему-то: “Бродвей”. Он усмехнулся. И хотя в кармане было не пусто, а ресторан был явно дорогим, он решительно открыл дверь. Ресторан был пуст, только в дальнем углу сидела молодая, скорее всего, не русская пара.

Его встретила длинноногая красавица, что-то сказала по-французски.

— Милая, у вас же русский ресторан! — в ответ с упрёком, почти раздражённо сказал он.

— Ой, родные пришли! — не наигранно, радостно воскликнула девушка.

— Как звать, милая?

— Лана.

— Небось, Светлана?

— Да, но тут принято коротко.

— Откуда ты, милая?

— Из Молдавии.

— Всё ясно. Впрочем, поговору мог догадаться. Плохо мне, Лана-Светлана. Как это тебе сказать... ностальгия замучила...

— Всё поняла. Садитесь вон за тот столик в уголок к окну, почитайте пока меню, а я к вам через минутку подойду. Что касается ностальгии, у нас от неё есть прекрасное средство.

Он не стал смотреть меню. Он смотрел в окно, в дождь, в снег, и казалось, не видел ни дождя, ни снега, ни редких прохожих. Когда-то он даже и не мечтал побывать во Франции и в Швейцарии. А вот побывал. Думал ли он, что окажется здесь не праздным туристом, а будет искать своё последнее на Земле счастье и потеряет своё последнее и сокрушительное жизненное поражение?

Он не сразу заметил, когда подошла Лана-Светлана, он уже почти забыл о ней.

— А вот это от ностальгии, — загадочно улыбаясь, отвлекла она его от невесёлых мыслей.

Он перевёл глаза на крошечный расписной подносик, который она держала перед собой: на нём стоял классический русский гранёный стакан, наполовину наполненный водкой, рядом пристроилась тарелочка с большим солёным огурцом, вилкой и ножом. Сразу было видно, что огурец был не какой-нибудь баночный венгерский, это был настоящий классический бочковый русский огурец.

— В стоимость обеда это не входит, — с очаровательной улыбкой добавила Лана-Светлана.

Он оглянулся: в дверях из кухни стоял плотный, сравнительно молодой мужчина, видимо, хозяин заведения, и сдержанно, но довольно улыбался. Он тоже с лёгким поклоном улыбнулся ему. И странно: ему стало чуть легче...

* * *

“Здравствуй!

Пишу тебе с единственной целью узнать, добрался ли ты до дома и как твоё здоровье. При прощании в Лионе на тебе лица не было.

Совсем не понимаю ни жизнь, ни себя.

Перечитывала несколько раз твои прежние письма, они все сохранены. Господи, не знаю, что писать.

Я рада, что ты есть на свете.

На Троицу я была в церкви.

Служба проходила сначала на французском, а затем на русском языках. Поставила свечу и за твоё здоровье. Возможно, в эту самую минуту ты тоже ещё был в храме, хотя я помню о четырёх часах разницы. Я чувствовала, что в это время ты тоже был в храме, я словно стояла рядом с тобой.

Утро было тёплым, с тихим дождиком.

Я сознательно избегаю тем, касающихся лично нас с тобой. Так легче. Прости...”

“Здравствуй!

Я был на Троицу в храме, где ты крестилась... Накосили травы, устлали весь пол, украсили храм берёзками. В записке для поминовения о здравии я первым вписал имя рабы Божией Серафимы. Отец Пётр спрашивал о тебе. Зная разницу в четыре часа, я, как и ты, подсчитывал, когда ты придешь в храм, и постоянно думал о тебе, почему-то зная, что и ты в это время думаешь обо мне.

Прости меня за все и не чувствуй себя виноватой. Ты святой человек, и ты это должна знать”.

“Здравствуй!

Я отнюдь не святая. Я не обижаюсь, ты имеешь право на иронию. Хотя я вижу, что если и ирония, то с горечью...”

“Здравствуй!

В моих словах не было никакой иронии. Ты на самом деле святая, и мне стыдно перед тобой за свой скулеж, потому как тебе труднее, чем мне.

Ты пишешь: “Я рада, что ты есть на свете”. Всё бы хорошо, но дело в том, что меня, по сути, уже снова нет на свете, одна лишь личина.

Да, я вроде бы не слабый духом человек, но всему, видимо, есть предел. Я благодаря тебе снова обрёл смысл жизни. И никакой твоей вины передо мной нет. И повторяю: то, что ты святой человек, я писал совсем без иронии. Ты пишешь, что даст мне тепло кто-нибудь из моих милых дам. Но, кроме всего прочего, дело в том, что никто из них не говорил мне о ребёнке. В конце концов, это не самое главное, был или не был бы у нас с тобой ребёнок, но твоё бессознательное неоднократное признание о желании иметь от меня ребёнка говорило мне лишний раз, что твоё чувство ко мне серьёзно.

Не считай себя передо мной виноватой.

Вчера проезжал мимо дома твоих родителей, было такое чувство, что ты сейчас выйдешь, и я заберу тебя...”

“Здравствуй!

Ты мне приснился сегодня ночью. Вижу из окна твоей квартиры (почему-то окна смотрят в противоположную сторону, на трамвайные пути): слово по поводу, весь овраг затопило, вода, как это бывает в эту пору, мутная, видны лишь вершинки деревьев и некоторых домов.

Можешь не верить, но я постоянно думаю о тебе. Каждый день смотрю в компьютере почту, хотя самой писать нечего.

Пожалуйста, держись, я не знаю, как тебя утешить, я слишком виновата перед тобой”.

“Здравствуй!

Сон твой с мутной водой, как говорится, в руку. Когда я раньше видел во сне большую воду, тем более мутную, — всегда к болезни. Молчание моё объясняется тем, что я попал в больницу, но не беспокойся, ничего серьёзного: запущенная пневмония, повышенное кровяное давление, хотя обычно оно у меня понижено, и нервное истощение. Больничка почти рядом с домом, через овраг, потому через день убегаю поливать в том числе посаженные тобой цветы (наверное, только они дают мне какое-то ощущение дома, я уже привыкаю к чувству, что живу в чужой квартире, подумываю отдать её племяннице, по крайней мере, прописать её, по новым демократическим российским законам это называется не пропиской, а регистрацией, она вы-

шла замуж и ждёт ребенка), а сегодня вот, в воскресенье, добрался и до редакции и прочитал твои письма. Пока мне удаётся держать в тайне моё нахождение в больнице, впрочем, через несколько дней я надеюсь выписаться, на телефонные звонки на работе по моей просьбе отвечают, что я в заграничной командировке, и меня никто не беспокоит.

Надо же: мы даже видим одни и те же сны в одну и ту же ночь! И нам после всего этого надо расставаться!”

“Здравствуй!

Меня тоже несколько дней не было дома. Также попала в больницу. Сердце обследовали. Вроде ничего серьёзного, покололи витаминов.

Православная церковь сравнительно далеко от места, где я живу, потому мне не часто удаётся побывать на службе. Но бываю на ней с радостью. Я уже обрела среди прихожанок себе новых подруг. В основном это молодые женщины из Молдавии и Украины, приехавшие сюда, чтобы прокормить оставшиеся там семьи. Считается, что все беды после сотворения мира пошли от женщины. Получается, что из-за неё на Земле вместо вечного рая воцарилась смерть. Почему же тогда Бог сотворил её из ребра Адама, если не для любви? И почему веруют в Иисуса Христа больше именно женщины, начиная с Марии Магдалины? По крайней мере, на церковной службе в нашем храме одни женщины. Да несколько старичков, потомков белой эмиграции.

Я вообще не стою такого человека, как ты...

Я знаю, что напоминанием о себе причиняю тебе боль. Я знаю, что тебе нужно оставить в покое и больше не писать...”

Сгоряча он сел за письмо:

“Я снова живу со страшным чувством, что лучше бы однажды не проснулся.

Посаженные тобой цветы все до одного прижились. Они ждут тебя. Бутылку вина, которую ты мне привезла в Женеву, я спрятал в шкаф, в надежде, что мы когда-нибудь выпьем её с тобой вместе.

Так как весна немного запоздала, на даче всё цветёт одновременно: черёмуха, слива, вишня, вот-вот зацветут яблони, а потом и шиповник, вечером стоит оглушительный шум: соловьи, кукушки и множество других птиц, а днём гул от пчёл.

Я по-прежнему жду тебя... Ждёт наша городская квартира, ждёт наш загородный дом с развесистыми еловыми ветвями, которые тебе так нравились, ждёт жаркая деревенская банька. По первому твоему слову я высылаю деньги на билет. Я жду тебя...

Нет, когда мы, наконец, нашли друг друга, когда мы чувствуем друг друга за тысячи километров, когда мы даже болеем в одно время, мы не должны расставаться, что бы ни стояло на нашем пути! В конце-то концов, имеем же мы право на счастье! Я жду тебя...”

Но в самый последний момент перед отправкой решительно стёр письмо в компьютере.

“Здравствуй!

Я благодарна тебе, что ты меня понимаешь. Состояние мужа стабилизировалось, но шансов, что он когда-нибудь встанет на ноги, практически нет. Душевно он очень изменился. На днях, в мой день рождения, он преподнёс мне огромный букет цветов (чтобы для меня было сюрпризом, попросил купить соседку) и сказал, что благодарен мне за эти месяцы, что провела с ним в госпитале и дома. И что он хочет сделать мне подарок, если я его, конечно, приму. Он долго собирался с духом, а потом сказал: “Я очень ценю твою жертву ради меня, но я не хочу тебя мучить. Ты ещё молода и не виновата в моей трагедии. Если тебя там ещё ждут, я готов отпустить тебя в Россию и дать развод. За мной будет ухаживать двоюродная сестра, которая готова переехать ко мне”. От неожиданности я так растерялась, что разрыдалась и бросилась перед ним на колени со словами, что никогда не оставлю его, если он меня не прогонит.

“Чтобы тебе легче было принять решение, я могу тебя прогнать, чтобы это решение исходило не от тебя”, — через силу улыбнулся он. Можешь представить, чего стоила ему эта улыбка. — “Я знаю, что моё решение неожиданно для тебя. Потому не прошу немедленного ответа. Но в то же время и не тяни...”

Как-то само собой это получилось, что я встала перед ним на колени, словно сказала не я, а кто-то за моей спиной: “Прошу: не прогоняй меня, я твоя жена...” Хотя потом тайно спохватилась, пожалела о сказанном, так я отрубала последние пути к тебе.... Он словно прочитал мои мысли, печально улыбнулся: “Не решай сгоряча, чтобы потом не жалеть, всё хорошо обдумай...”

Прости меня и прощай! Я прежде всего раба Божия Серафима...

Я не прощаюсь с тобой душой, я уверена, что наши души будут рядом, вместе там, наверху. Не так уж долго осталось ждать...”

Кажется, на следующий день после её крещения он спросил у неё: знает ли она, в честь кого, в честь какой святой принятое ею имя? Она растерялась: “Нет, не знаю, просто, с детства мне почему-то нравилось оно. Почему-то мне хотелось, чтобы им меня называли”.

Он тоже не знал. Ни “Четы-Минеи”, ни “Жития святых” дома у него не было.

И вот сейчас он решил во что бы то ни стало узнать. Специально поехал в церковь и в приходской библиотеке попросил “Жития Святых” святителя Дмитрия Ростовского:

“Серафима — пламенная (греч.), римская дева.

Во дни страшных гонений, воздвигнутых нечестивыми римскими царями, много верующих пострадали в различных мучениях. В это время в селении Виндене, в доме одной женщины Савины, которая происходила из знатного рода, проживала девица Серафима, антиохийская гражданка.

Игемон Берилл послал своих слуг в дом Савины с приказанием взять святую девицу Серафиму и представить к нему на суд. Блаженная Савина сопротивлялась этому и всеми силами старалась не допустить, чтобы посланные взяли девицу. Но святая Серафима сказала ей:

“Госпожа моя и мать! Отпусти меня с ними. Ты только усердно молись за меня Богу. Я уповаю на Господа моего Иисуса Христа и верую, что Он придёт ко мне и даст мне силы верно послужить ему, хотя я и недостойна сего по грехам моим”.

Игемон обратился к Серафиме с такими словами:

“Принеси жертву бессмертным богам, коим поклоняются цари наши”.

Серафима отвечала:

“Я благоговею и служу Всемогущему Богу. Те же, кому ты заставляешь поклониться, не боги, а бесы; почитать их мне не подобает, ибо я христианка”.

Игемон сказал ей:

“Тогда подойди и принеси Христу твоему ту самую жертву, которая уготована нашим богам”.

Серафима отвечала:

“Я каждый день приношу Ему жертву, поклоняюсь ему, молюсь Ему и днём и ночью”.

Тогда игемон спросил:

“Где храм Христа твоего? Какую жертву ты ему приносишь?”

Серафима отвечала:

“Жертва, угодная Христу, состоит в том, что я сохранила в чистоте своё девство и с Его всесильной мощью привела и других к этому подвигу”.

Игемон спросил:

“Уже не ты сама, как говоришь, церковь для Бога Вашего?”

Серафима отвечала:

“Так как я соблюдаю себя непорочной и всесильной помощью Бога моего, то я поистине Его церковь. В нашем священном Писании сказано: “Ибо вы храм Бога живого, и дух Божий живёт в вас”.

Игемон спросил:

“Но если тебя изнасилуют и растлят твоё девство, останешься ли тогда ты церковью для Бога твоего?”

Серафима на это ответила словами священного Писания:

“Кто растлит храм Божий, того покарает Бог”.

Но игемон не понял этих слов и приказал отдать Серафиму в руки двух бесстыдных юношей, родом из Египта, чтобы они всю ночь провели с ней. Эти нечестивые юноши взяли её и отвели в тёмную храмину. Святая девица с умилением обратилась к Господу:

“Господи Иисусе Христе, призываю Тебя на помощь. К Тебе взываю. Ты, посетивший и укрепивший заключённого в темнице апостола Твоего Павла, призри и на меня и помилуй смиренную рабу Твоя. Избавь меня от нечестивой похоти юношей сих. Молю тебя... Посрами их бесстыдство и не попусти моего растления. Услышь меня, Господи!..”

И вот в первом часу ночи, когда нечестивые юноши хотели совершить своё постыдное дело, вдруг поднялся великий шум и началось страшное землетрясение, которое слышали и все окрестные жители. Юноши как бездыханные пали на землю. Видя такую скорую помощь Божию, Серафима, воздев руки к небу, со слезами благодарила Господа и всю ночь провела в молитве. Ранним утром явились посланные от игемона. Войдя в храмину, они увидели, что святая дева молится, а юноши лежат, как мёртвые, не в силе ни встать, ни сказать что-либо; и только открытые очи свидетельствовали, что они ещё живы. Собралось множество народа посмотреть на это чудо. Услыхав о происшедшем, игемон снова повелел представить ему на суд рабу Божию Серафиму и сказал ей:

“Так ты утверждаешь, что они не провели с тобой всю ночь?”

Серафима отвечала:

“Со мной был Тот, Кому я служу как раба и Кто стяжал меня своею кровию”.

Игемон спросил:

“Скажи, каким волхованием ты привела тех юношей в расслабление?”

Святая Серафима отвечала:

“Нам, христианам, не подобает учиться волшебству, а кого вы убиваете своим злодейским волшебством, тех спасёт наш Господь, когда взывают Его помощь”.

Игемон сказал:

“Если твой Христос может преодолеть всю волшебную хитрость, то призови Его, чтобы он возвратил этим юношам их телесную силу”.

Серафима отвечала:

“Бог, коему я служу, всемогущ, и нет для него ничего невозможного... Прикажи принести омертвевших юношей сюда”.

Святая Серафима, воздев руки к небу, стала молиться с умилением:

“Всесильный, Господи Боже! Услыши ныне меня, рабу твою, на Тебя уповающую. Не призри моления моего и не отврати от меня из-за неверия несчастного правителя сего, но даруй исцеление юношам сим, перед лицом всех ожидающим сего чуда”.

Юноши тотчас же встали и начали говорить.

Игемон обратился к юношам:

“Как могла эта женщина лишит вас ума и телесной силы?”

“Вдруг явился какой-то юноша, прекрасный и весь сияющий как солнце. Он стал посредине между нами и девицей. От необычайного его сияния напал на нас страх и тьма, трепет и полное расслабление. Рассуди теперь сам, волшебница ли она, или поистине велик её Бог”.

Игемон сказал Серафиме:

“Вижу я, как много ты можешь сделать своим волхованием, однако вот что я тебе скажу: если ты не принесёшь жертвы моим богам, то прикажу отсечь твою голову”.

Серафима ответила:

“Делай, что тебе угодно, но я бесам твоим жертвы не принесу и не исполню волю сатаны, отца твоего, ибо я христианка”.

Игемон сказал:

“Безумная! Послушайся царских повелений, поклонись бессмертным богам и освободи себя от мучений и гибели”.

Серафима отвечала:

“Сами вы одержимы бесом и безумны. И вместе с ними погибнете. Я же приношу себя в жертву бессмертному Богу, только бы Он благоизволил принять меня, хотя и грешную, но истинную христианку”.

Тогда игемон пришёл в великую ярость издал такой приказ: “Серафиму, не только презирающую царские заповеди, но и повинную в великих злодеяниях, повелеваем убить мечом...”

На следующий день он снял с надверного косяка подкову и отправил её посылкой в Лион, сопроводив коротким письмом:

“Прости меня! Ради Бога, не считай себя передо мной ни в чём виноватой. Наоборот, я безмерно виноват перед тобой и теперь сполна за это наказан. Но не тобой, а Всевышним. Пусть хранит твой дом моя подкова, которую ты, как оказалось, не случайно просила...”

С почты он заехал в церковь, в которой она крестилась, и перед местной иконой Божией Матери поставил две свечи — обеим Серафимам: Серафиме, которая жила на планете Земля много веков назад и за свои страдания, за свою верность Богу была возлюблена Господом и, как святая, Им была поставлена нам, ещё живущим на Земле, в пример, и — за здоровье — той, которая ещё в детстве интуитивно и, как оказалось, судьбоносно, вопреки воле родителей, выбрала себе это жертвенное имя и которая теперь жила во французском городе Лионе, в котором родился грустный лётчик и писатель Антуан де Сент-Экзюпери, написавший простые и великие строки: “Помни, ты в ответе за тех, кого приручил”.

Михаилу Андреевичу ЧВАНОВУ — 65! Сколько сделано за эти годы! В литературе — и не только в ней. Михаил Чванов фактически стал полпредом русской культуры в Башкортостане, ревностным хранителем памяти С. Т. Аксакова, строителем церквей. От всей души поздравляем испытанного друга “Нашего современника”, члена Общественного совета журнала со славным 65-летием!

Редакция